

ет безмолвный жест Раскольниковова, – «что-то как бы бросило к ее ногам», – и далее: «Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [С. 421]. Здесь молчание – сверхбытие, начало воскресения, указание на источник этого воскресения. Преодоление немоты есть переход от «казуистики» к внутреннему чувству, не поддающемуся логике: «...да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [С. 422].

Паузы умолчания, ситуации безмолвия, безмолвные жесты и т.д. формируют общее символическое поле «безмолвия» в романе. Конкретные реализации «безмолвия», оставаясь индивидуальными по своей функции и семантике, восходят к единому, универсальному символу – паузе немого признания Раскольниковова Соне в убийстве. Сцена построена как символ сверхзнания, взаимопроникновения сознаний, суда себя через сознание другого, внутреннего разоблачения. Признание предваряет ситуация срыва. Появляется образ Лизаветы как связь с преступлением, как связь во грехе и искуплении, во грехе и святости. Здесь пересекаются и два предела молчания: сакральное молчание как всеобщая связь в преступлении (образ Лизаветы в лице Сони) и молчание в небытии, отчуждение, духовная смерть (жест отъединения). Пауза признания есть некий смысловой центр романа, некая «пороговая» ситуация, в которой соединились *до* и *после*: всеобщая связь в преступлении и искуплении, отчуждение и единение, саморазоблачение и будущее воскресение.

Итак, слова со значением *молчать* (и шире – с общей семантикой «ситуация, когда никто не говорит», «отсутствие звуков»: *молчание, безмолвие, тишина, тишь* и т.д.) образуют локально организованные отрывки текста, которые реализуются в повествовательной структуре произведения на нескольких уровнях поэтики: в диалогах героев (*паузы умолчания*); в событийно-статичных сценах (*ситуации безмолвия*); в структуре романа, создавая *контекст молчания* и в определенной степени организуя сюжетную линию произведения (характерные для Достоевского тайны, умолчания, безмолвные заговоры и т.д.); на уровне характеристики героя (*тихий, кроткий*); на уровне поведения героя (*поступка и жеста*); на уровне пейзажа (*тишина или пустота*). В плане конкретной реализации в тексте знаки безмолвия располагаются по горизонтали. В смысловом – каждый уровень «поэтики безмолвия» может иметь два предела: *высший* («безмолвие как инословие») и *низший* («до-слово», небытие, духовная смерть).

ис. 90466

Курская областная
научная библиотека
им. И.И. Асеева